

Пророкь.

Когда пророка даръ великій
Во мнѣ народъ не признавалъ,
И я бродилъ въ пустыни дикой,
Я голосъ Бога услышалъ:
„Пророкь! ты здѣсь?! Ужели

чудный
Успѣлъ ты подвигъ совершить
И, послѣ жизни многотрудной,
Пришелъ на лаврахъ опочить?
Зачѣмъ даръ вѣщій и свободный
Тебѣ рѣшилъ я даровать?
Ужели затѣмъ, чтобы безплодно
Его въ пустыни расточать?
Тебѣ могучее терпѣнье,
Тебѣ любви и силу далъ...
Но мѣръ возсталъ, — и отъ гоненья,
Какъ трусъ, въ пустыню ты бѣ-

жалъ...
Ты думалъ: „жаркіи обѣщанья
Откроютъ люди для меня;
Скажу — и будутъ жить какъ

братья,
И цѣль достигнута моя“...
Но къ цѣли есть одна дорога:
Несчастья, скорби и борьба...
Ты горло шель, каратель строгій,
И ненавидѣли тебя.
Но будь смиренъ, и эти люди
Глаголы вѣщія поймутъ,
И дрогнутъ каменные груди,
Сердца и мысли оживутъ...
Иди же въ мѣръ и проповѣдуй,
Учи мужей и женъ земли,
И старцамъ истину повѣдай.
Не пропадутъ слова любви!“
И вотъ я въ мѣръ, опять явился,
И цѣль моя добро творить,
Во мнѣ духъ сильный пробудился,
Иду сердца людей будить.

В. Пучковъ.

Журнальное обозрѣніе.

„Вѣстникъ Европы“ 1897 г. Апрель. — „Русская Мысль“ 1897 г. Апрель. № 4.

Окончаніе романа *Боборыкина*: «По другому» выловить не мало недоумѣній. Новая женщина, изъ типа декадентокъ-идеалистокъ, Студенцова, не покончила самоубійствомъ: въ самую рѣшительную минуту, на порогѣ смерти, «руку ея уже не тянуло къ теннису и музыка». — «Успѣю» — безвѣстично презентала она». Такой смутной, неопредѣленной сценой заканчивается романъ, возбуждая въ читателѣ цѣлый рядъ вопросовъ и догадокъ. Во второй части романа образъ Студенцовой постепенно отбѣсилъ на задній планъ всѣхъ представителей различныхъ общественных теченій, вообще описанныхъ неудачно.

Студенцова окончательно разорилась,

ей нечѣмъ жить, да и не для чего: она никого не любитъ, другой цѣль въ жизни, кромѣ спокойнаго наслажденія всякаго рода красотой, не призываетъ. Остается умереть. И съ математической точностью, какъ дважды два четыре, Студенцова доказала себѣ необходимость самоубійства. Передъ читателемъ проносится цѣлый рядъ сценъ, гдѣ Студенцова сводитъ свои послѣдніе счеты съ жизнью, уплачивая разные долги, пропавъ съ Разсудинымъ, Токаревымъ, Полкиной. И повсюду въ поступкахъ Студенцовой, читается одна и та же твердая мысль: «черезъ нѣсколько дней я навѣки покончу со всей этой суетой». И вотъ за четверть часа до роковой минуты записка отъ князя Дашеева, умоляющаго спасти его, удерживаетъ Студенцову отъ ея рѣшенія и заставляетъ жить, быть можетъ, готовая ей участь содержанки богатаго князя. Съ перваго взгляда, это кажется психологически-невырваннымъ, клеветой на Студенцову. Но, вдумавшись поглубже, надо признать, что черта подмѣчена Боборыкинымъ очень тонко и почти проникновенно, какъ говорилъ Достоевскій. Для самоубійства мало одного холоднаго разсудка — нужно еще что-то другое: не то сильная воля, не то окончательная изжитость организма, лишившагося уже всякихъ живительныхъ силъ. Чего не доставало Студенцовой, воли или же ея организмъ былъ еще слишкомъ здоровъ и ее манило къ себѣ еще много пока неспытанныхъ впечатлѣній — любовь, ласка, служеніе идеѣ, людямъ, — опредѣленно рѣшить нельзя. Намекъ на рѣшеніе вопроса даютъ слова Токарева: «если это только минутное настроеніе — жизнь пережить». И, кажется, Боборыкинъ пришелъ къ тому выводу, что «жизнь пережила». Общественные типы Боборыкину не удалось. Шестидесятникъ Токаревъ вышелъ скорѣе похожимъ на богатаго, разбитого барина-эстетика сороковыхъ годовъ, слоняющагося безъ цѣли и опредѣленнаго дѣла по Россіи и Европѣ. Семидесятникъ Разсудинъ, которому наиболѣе симпатизируетъ авторъ — вѣчно плачущій нытикъ, невращенникъ, довольно компичный сорока-трехлѣтній дѣтеникъ. Онъ падаетъ въ обморокъ отъ искикой маломальски рѣзкой полемической статьи, направленной противъ него. Кончаетъ Разсудинъ тѣмъ, что, выливъ на вечерникѣ лишній стаканъ вина, произноситъ нѣсколько задорныхъ словъ, за что чуть не угодилъ въ Кому. Но Студенцова спасла его, и Разсудина предложили отправить въ одинъ маленький приволжскій городокъ. Совершивъ свой подвигъ, Разсудинъ чувствуетъ себя великодушно, ходитъ голымъ, а его поклонники льютъ неугасимыя слезы; — можно было бы подумать, что Боборыкинъ задался цѣлью

написать каррикатуру на пародниковъ. Насколько чиста и хрустальна душа Разсудина, настолько грязна и «всякой скверности полна» душа его претивника, марксиста Шемадурова. Боборыкинъ не пожалѣлъ ни денегъ, ни помоевъ — портретъ вышелъ на славу, по, къ сожалѣнію, правды, какъ бытовой, такъ и художественной, въ немъ мало. Захѣтно только, что Боборыкинъ хотѣлъ кого-то отбѣлать, но что-бы онъ изучилъ это нарождающееся явленіе, хотя бы такъ, какъ изучилъ Студенцову, этого не видать.

Въ рѣшаніи къ Студенцовой, въ журналѣ приведена переписка А. К. Толстого, тоже художественной, артистической натуры. Графъ А. К. Толстой, принадлежавшій къ высшей, придворной аристократіи, тоже стремился устроить свою жизнь такъ, чтобы можно было «отдаваться высшимъ духовнымъ радостямъ, избирывать въ унисонъ со всѣмъ, что есть самаго цѣннаго и тонкаго въ творчествѣ человѣка». «Я родился художникомъ, я не чиновникъ» писалъ про себя А. К. Толстой. Какъ человѣку, болѣе чѣмъ обезпеченному, графу не пришлось переживать келлиизмъ, впаавшей на долю Студенцовой.

Переписка А. К. Толстого, поражающая разъ тонкими, художественными замѣчаніями, даетъ очень мало матеріала для характеристики нашей общественной жизни. Прямую противоположность ей, въ этомъ смыслѣ, представляетъ статья Т. «Конецъ сороковыхъ годовъ», написанная на основаніи обширной біографіи Погодина, издаваемой Варсуковымъ. Статья разсказываетъ подробно цензурную исторію съ Юдскими и Московскими историческимъ обществомъ, сильно потерпѣвшимъ за изданіе сочиненія Флетчера о Россіи конца XIX в. Любопытенъ также цензурный случай, со статьей объ университетахъ, написанной по внушенію самого министра нар. просв. графа Уварова. Строгое было время, когда произведенія «отечественной словесности» были подчинены въ нѣкоторыхъ случаяхъ просмотру семнадцати цензуръ.

Изъ дневника Погодина мы приведемъ только одну законическую замѣтку, помѣченную 28 сентября 1849 г.: «Въ полтора года послѣ Петра мы не убѣдились, что науки полезны. Какое разительное доказательство нашего варварства».

Корреспонденцію *Р. В. Толстого*: «Общественное самоуправленіе въ Берлинѣ» можно усиленно рекомендовать всѣмъ русскимъ муниципальнымъ дѣятелямъ, хотя бы уже по одному тому, что Берлинъ это въ высшей степени страшный городъ, въ бюджетѣ котораго цифра въ 5 1/2 милліоновъ марокъ представляетъ «чистую прибыль отъ газоваго завода, водопровода и скотобоенъ».

Во «Внутреннем обозрении» журнала трактуется вопрос о всесословной волости. «Вѣсти. Европы» приводят, между прочим, замѣчательно интересную выдержку изъ «Московскихъ Вѣдомостей». «Введеніе въ составъ волостей—пишетъ органъ Грѣмута—образованнаго и привычнаго къ дѣлу управленія элемента населенія, въ видѣ помѣстного дворянства, можетъ имѣть своимъ оправданіемъ только поднятіе волостной администраціи на большую высоту и придаче ей большей самостоятельности. Но и эта *высота*, и эта самостоятельность совершенно несовмѣстимы съ административнымъ положеніемъ земскаго начальника». Вотъ, что значить договориться до конца. Не надо улоушеній, такъ какъ тогда не будетъ необходимости въ подтягиваніяхъ—это звучитъ недурно даже для «Московскихъ Вѣдомостей».

Апрѣльская книжка «Русской Мысли», вышедшая, въ виду праздниковъ, раньше обыкновеннаго, представляетъ значительный интересъ и вызоветъ, несомнѣнно, много толковъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ статья князя С. Трубецкаго, московскаго профессора: «Университетъ и студенчество», затрогивающая смѣло и довольно глубоко эти тѣ жгучій и воболѣвшій вопросъ. Кн. Трубецкой, по своимъ убѣжденіямъ, консерваторъ, «но на почвѣ университетскаго вопроса,—говоритъ онъ,—должны сойтись представители всѣхъ партій. Для этого надо отбросить всякіе личные и партійные счеты и имѣть въ виду лишь охраненіе и *развитіе* университета, охраненіе и развитіе высшаго научнаго образованія, «которое всѣмъ намъ должно быть одинаково дорого». Трубецкой не льститъ нашимъ студентамъ и не заискиваетъ у нихъ. Даже наоборотъ, временами его отношеніе къ студентамъ чересчуръ сурово. «Мы не находимъ достаточно словъ—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—чтобы выразить наше порицаніе тому невыразимому нравственному разгильдяйству, тому господству сплетни, обмана, нетерпимости, которые нерѣдко сказываются въ нашемъ студенчествѣ». «Неспособность или непривычка къ самостоятельному труду, нерѣдко укоренившаяся съ гимназической скамьи, составляетъ обычный недугъ множества нашихъ студентовъ»—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Но, не смотря на такіе отзывы о студенчествѣ, кн. Трубецкой не можетъ не признать, что главное зло не въ немъ, а въ дезорганизаціи всей университетской жизни, начавшейся вмѣстѣ съ разрушеніемъ корпоративнаго строя профессорской греды. «Университетъ—какъ остроумно и картинно выражается кн. Трубецкой—сталъ походить на «больного человѣка»,

который можетъ поддерживать непрочный порядокъ въ своихъ владѣніяхъ лишь путемъ чисто внѣшнихъ репрессій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ стѣнахъ этого университета возникло нѣчто въ родѣ младо-турецкой партіи въ лицѣ централизованной студенческой организаціи». Излѣчить университетскій организмъ можетъ только развитіе корпоративной жизни. Московскій профессоръ пространно и убѣдительно доказываетъ необходимость гласнаго и легальнаго существованія студенческихъ землячествъ, кассъ взаимопомощи, кружковъ саморазвитія, организованныхъ на началахъ академической свободы и уже, въ силу этого, доступныхъ свободному вліянію профессорской корпораціи. «Тогда отъ самихъ студентовъ завяжутся бы выборы между правильной организаціей, преслѣдующей законныя цѣли и тайными кружками, которые, по своимъ цѣлямъ и составу, въ концѣ-концовъ, выйдутъ изъ университета». Особенныя надежды Трубецкой возлагаетъ на студенческіе общенія, постройка которыхъ прозектирована въ обширныхъ размѣрахъ. Авторъ желаетъ видѣть въ нихъ «продолженіе стѣнъ университета во всѣхъ отношеніяхъ». Общеніе не должно быть ни гостиницей, ни чисто-благотворительнымъ учрежденіемъ, ни, тѣмъ болѣе, учрежденіемъ, преслѣдующимъ полицейскія цѣли зоркаго надзора за студентами. Трубецкой мечтаетъ о томъ, какъ общенія станутъ жилищемъ большинства студентовъ, какъ создадутся цѣлыя университетскіе городки со спеціальными, дополнительными курсами, широкимъ развитіемъ умственной жизни, какъ все это будетъ построено на основахъ свободы и взаимнаго довѣрія. Словомъ, передъ глазами Трубецкаго носится образъ англійскихъ закрытыхъ университетскихъ коллегей.

Все это, быть можетъ, и хорошо, но грѣшитъ нѣкоторымъ незнаніемъ русскаго студенчества и извѣстной фантастичностью. Во-первыхъ, въ Англійи коллежи создавались вѣками, у насъ-же ихъ предполагается насадить десятки въ пять—шесть лѣтъ и поручить веденіе ихъ лицамъ, мало похожимъ на англійскихъ педагоговъ. При такой постановкѣ дѣла, легко можно ждать неудачъ, и надо бояться, какъ-бы новое зло не было «горше» перваго. Во-вторыхъ, нельзя упускать изъ виду, что русскіе студенты—самые демократичные изъ всѣхъ студентовъ въ мірѣ, и образованіе, получаемое ими дома, далеко не то, какое дается сыновьямъ англійскихъ аристократовъ и богатыхъ буржуа. Отсюда—извѣстная рѣзкость и грубость въ характерѣ нашего студента, чрезвычайно ревниво ограждающаго свою самостоятельность отъ всякихъ, хотя-бы иной разъ и милыхъ, покушеній на нее. Вообще, сравни-

цы, посвященныя студенческимъ общеніямъ, наиболѣе слабыя въ статьѣ князя Трубецкаго.

Профессоръ касается также и нѣкоторыхъ желательныхъ измѣненій въ самомъ строѣ университетскаго преподаванія. Онъ требуетъ болѣе спеціализаціи факультетскихъ занятій, при болѣе свободѣ слушанія лекцій на всѣхъ факультетахъ, въ особенности курсовъ, имѣющихъ образовательное значеніе. Центр тяжести всей университетской дѣятельности, по мнѣнію Трубецкаго, долженъ постепенно перенестись на практическія занятія, «вмѣстѣ механическаго чтенія лекцій и такого-же заучиванія ихъ передъ экзаменомъ, изъ году въ годъ, по литографированнымъ листамъ».

Другое выдающееся произведеніе въ № 4 «Р. М.» — рассказъ А. И. Чехова: «Мужики». Давно уже Чеховъ не давалъ вещи, такъ талантливо и сильно написанной. Возможно, что краски нѣсколько сгущены въ рассказѣ, но, все-таки, въ каждой его строкѣ чувствуется правда, страданіе, жестокая правда, способная привести въ отчаяніе слабыхъ людей. Но временами напоминать объ этой правдѣ бываетъ очень полезно, особенно въ минуты сентиментальныхъ народническихъ увлеченій. «Мужики» Чехова—это тѣ-же «Подлинновцы» Рѣшетникова. Конечно, эти «Мужики» не типичны для всей Россіи, но ужь и то, что почти тридцать пять лѣтъ свободной культурной жизни не уничтожили у насъ самой возможности появленія «Подлинновцевъ», во-второмъ, быть можетъ, еще болѣе страшномъ, изданіи. Мы сказали: «болѣе страшномъ», такъ какъ «Подлинновцы» Рѣшетникова жили въ глухомъ, заброшенномъ Чердынскомъ краѣ, а «Мужики» Чехова населяютъ какую-то деревню, лежащую вблизи Москвы, болѣе-болѣе съ помѣщичьимъ нѣтъ-нѣтъ.

И самый тонъ чеховскаго рассказа сильно напоминаетъ знаменитую, отрывистую, стучащую, какъ ударъ топора, Рѣшетниковскую рѣчь. Вся разница только въ томъ, что тогда, какъ со стороны «Подлинновцевъ» глядѣлъ на насъ ужасъ, въ рассказѣ Чехова сквозитъ полное отчаяніе, и каждая глава, словно говоритъ читателю: «скудно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Объ остальныхъ серьезныхъ статьяхъ мы, вслѣдствіе недостатка мѣста, распространяться не будемъ. Объ очеркѣ-же И. Тимоненко: «Принять-доцентъ», болѣе смахивающемъ на фарсъ, мы не скажемъ ни слова, если-бы даже мѣсто и было.

А. С. Никольскій.

(А. С. Никольскій).